

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТЕОРОДА
ЗАТЕРЯННЫЙ КЛАН

СЕРГЕЙ НЕДОРУБ

ЗАТЕРЯННЫЙ
КЛАН

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Недоруб

Метро 2035: Затерянный клан

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Недоруб С. И.

Метро 2035: Затерянный клан / С. И. Недоруб — «Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-119181-8

Разобравшись с тайнами незнакомца, найденного на поверхности Киева, школьный учитель Ион вливается в команду сталкеров Кондора — легендарную группу «Птицы». Спустя три месяца они встречают отряд вооруженных людей, которые требуют от Иона сотрудничества по непонятным вопросам. Слово за слово — и полетели пули за пулями. В небесах властвует крылатая смерть с муттировавшим сознанием, верный товарищ гибнет, спасая всех от худшей участи, дороги назад нет, а впереди — лишь загадка замурованной Красной линии метро. И проводником к ней становится девушка Альбина, которая знает про Иона больше, чем он сам. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119181-8

© Недоруб С. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Недоруб
Метро 2035
Затерянный клан

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Вселенная Метро 2035»

Автор идеи – Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин
Оформление серии – Павел Бондаренко

© Глуховский Д. А., 2017
© Недоруб С., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Часть 1 Память

Глава 1 Незнакомка

Эта молодая женщина привлекала внимание, словно бронебойный патрон на заваленном пустыми гильзами полу. Движения ее неуловимо отличались от манер остальных обитателей Лукьяновской – быстрые, уверенные, спокойные. Охотники, помнящие жизнь до Катастрофы, сказали бы, что перед ними воплощение лисицы, ищущей вход в ценный сарай, которым станция и являлась. Незнакомка двигалась так, словно знала все вокруг до мелочей. Ее прямые волосы, обрезанные ниже плеч по ровной, словно проведенной лазером линии, бросали вызов моде любой станции Креста. Потрепанный военный костюм явно знал много нехороших дней вместе со своей владелицей и не скрывал ни линий ее фигуры, ни следов собственной многократной починки. Зеленая вязаная шапочка торчала из кармашка на левом плече; на правом – грубого покроя куртка со следами прорех и порезов. Больше всего незнакомку выделяла обувь – явно новая, словно из лучших закромов Метрограда, где она могла храниться в идеальном состоянии с первых дней Катастрофы. Так могла бы выглядеть агитирующая за новую власть активистка, работающая в штабе, оппозиционном по отношению к Кипарису – если бы такой штаб существовал.

Женщина прорезала толпу местных с величием веспертила, налетающего на добычу. И все ее жесты, и пронзительный взгляд, и походка говорили о том, что она не менее опасна. Жители станции расступались, озадаченно глядя вслед, но даже те, кто заметил незнакомку ранее, не рисковали смотреть ей в глаза.

Она и сама почти не смотрела на людей – ее взгляд был направлен в сторону дальнего шатра, чей край высвечивался за деревянные ступени, ведущие в теплицы под потолком. Ее не интересовали ни ярмарка, ни запахи свежего мяса, ни чайные ароматы из тесных баров. Незнакомка даже не позаботилась подобрать кем-то оброненный патрон. Лишь один раз она приостановилась напротив картонного плаката, на котором был изображен силуэт мужчины с книгой в одной руке и автоматом в другой. Внизу детской рукой было нацарапано: «Ион, наш учитель на Лукьяновской». Если до этого лица женщины демонстрировало загадочную улыбку, то при виде рисунка ее глаза наполнились смешливым выражением. Она побарабанила пальцами по плакату, оставляя заметные следы ногтей – и прошла дальше, к шатру.

С ней никто не пытался заговорить. Ее не останавливали. Даже если кого-то интересовало, что незнакомка делает на станции и как вообще проникла сюда, то никто ее ни о чем не спрашивал. Женщина была явно не из этого мира, но производила впечатление по-настоящему свободной – и на этот дух свободы никто не смел покушаться.

* * *

– Таня, что у тебя с лицом? – первым делом спросил Ванька, набравшись смелости. Он все еще считался самым старшим, и в свои одиннадцать лет всеми правдами и неправдами пробовал высказывать свое мнение, когда ему вздумается.

Сидящая на скамейке девушка, до этого подкручивавшая лампочку, застыла. Ее голова чуть повернулась прочь от света, и она попыталась скрыть прядью волос старый порез на щеке.

Затем, словно решив, что незачем прятать от детей эту сторону жизни, вздохнула и включила свет ярче.

– Стукнулась об угол, – сказала она как можно спокойнее. – А ты глазастый.

– Он у тебя уже три месяца, – озадаченно добавил Ваня. – С тех пор как учитель пропал.

– Учитель Ион никуда не пропал. – Таня попыталась сменить тему. – Придет когда-нибудь. О нем слышали в Датаполисе.

– В Датаполисе? Учитель был там?!

– Этого я не знаю, – уклончиво ответила Таня. – О нем там просто слышали.

– Но не видели, – вставила Земфира, не отрывая настойчивый взгляд. – Его уже долго нет. Очень долго. Он нас бросил?

Таня промолчала. Ей казалось, что шрам на щеке начал гореть.

Тимка, как самый мелкий, уже привык ничего не спрашивать, пока к нему не обращаются. Он увлеченно рисовал огрызком желтого карандаша на стократно исписанном альбомном листе поверх бледных остатков прежних картинок. Под ногами Тимки валялись стертые ластики, стащенные им же у техников. Он не задавал вопросы про Иона, но каждый раз, как только речь заходила об учителе, Тимка замолкал и обращался в слух. Именно этот сорванец и смущал Таню сильнее всех, и она старалась подбирать слова особо тщательно.

– У Иона свои дела, – произнесла Таня. – Он обязательно вернется, когда будет свободен.

– Он уже свободен, – сказал Тимка. – Ион теперь сталкер.

Таня с удивлением посмотрела на него.

– Кто тебе сказал? – спросила она.

– Все говорят, – ответил мальчик. – На всей вашей станции. На моей тоже, наверное.

Только я давно не помню, какая она, моя станция...

– А ты не подслушивай, что говорят взрослые, – нахмурилась Таня. – Учитель придет, когда захочет. Если его долго нет – значит, он сильно занят. Вы лучше скажите, вы задание выполнили?

– Я забыл, какое задание, – повинился Тимка.

– Как ты мог? – вымолвила Таня с притворной грустью.

– Мне все говорят, что я забывчивый.

Ванька засмеялся.

– Это все потому, что ты про учителя Иона думаешь, – сказала Татьяна. – Все не можешь выбросить из головы. Вот она и занята у тебя одним и тем же.

– Неправда, – возразил Тимка. – Она не занята ничем.

– Вот именно. Так что за задание было, помнит хоть кто-нибудь?

– Я помню, – подняла руку Земфира, хотя никто ее этому жесту не учил. – Выучить таблицу умножения до сорока двух.

– А я видел, как другую таблицу делают, – добавил Ваня. – Она была до тридцати, и дальше по новой.

– Не поняла, – произнесла Татьяна. – Ты о чем говоришь, Ваня?

– Купцы с южных станций теперь до тридцати считают, а потом снова от одного. Так удобнее.

– Как так? Впервые слышу.

– Тридцать – это столько патронов в рожке автомата, – объяснил Ванька. – Если больше, чем тридцать, то выделяют в один магазин, и опять по одному считают.

– А шестьдесят – это два магазина? – спросила Таня иронично.

– Я не знаю, наверное, два. Я спрашивал у купца одного, а он мне по ушам надавал. Сказал, что так валюту считать удобнее. И все остальное тоже теперь в патронах и магазинах считают. Сказали еще, что у них как бы... подождите, я вспомню... тридцатиреченная система.

Вжикнула молния на входе в шатер, заставив Татьяну вздрогнуть. Снаружи стояла незнакомая девушка лет двадцати пяти на вид. Мужчины дали бы ей намного больше лет, однако Татьяна разбиралась в подобных вещах. Незнакомка явно имела тяжелое прошлое. Она казалась не принадлежащей ни этой станции, ни другим знакомым закуткам метро вообще. Взгляд уверенкой и напряженной хищницы, которая занята спасением детенышем от более крупного хищника. Стройное и крепкое тело, как не до конца разжавшаяся пружина, сдерживающая себя усилием воли. Одежда, собранная словно из разных десятилетий – по местным меркам все равно что разные исторические эпохи.

Подобных ей Таня не встречала, за исключением разве что богатых женщин с северо-восточной ветки, посещавших столицу для медосмотра. Только у обитательниц тамошних станций во взгляде не светились острый ум и решимость идти до конца, чего бы это ни стоило. Не было в лице незнакомки также ни загнанности рабочих с Печерской, ни ленивой расслабленности, присущей актерам музея с Харьковской. Разве что чувствовался груз ответственности. Да и то с вечно недовольными и бурчащими сотрудниками многочисленных станционных исполнкомов незнакомка не шла ни в какое сравнение.

– Ну надо же, – сказала она со еле уловимым смешком, изучая уютное убранство шатра. – Такие малыши, а уже задания получают.

– Домашнее, – попробовала объяснить Татьяна. – А вы к кому?

– Домашнее… – повторила женщина почти по слогам. – Конечно. Не снаружи станции же им учиться. Хотя было бы больше пользы. Детишки, у вас хоть дом есть?

Земфира открыла рот, но Татьяна с треском сдвинула журналы на столе и спросила:

– Кто ты?

Девушка зашла внутрь шатра, закрыла молнию за собой. Скинула с плеча куртку, перевесила себе на локоть и села на край скамьи; ее глаза зажглись непонятным энтузиазмом.

– Зовите меня Альбина, – сказала она, обращаясь ко всем сразу.

– Как? – не поняла Татьяна.

– Да, многие удивляются, – добавила незнакомка, по очереди глядя детям в глаза. – В метро приняты простые имена. Лена, Маша, Таня. Лишь бы не выделяться. Выделишься – не выживешь. Заключают.

– Это не так, – сказала Таня, глядя на озадаченную Земфиру. – В Кресте никого не преследуют за имя. Если редкое, то даже…

– Сестренка, не пори чушь, – поморщилась Альбина. – Я не про ваше дурное подобие общества говорю. Про настоящее метро, где для выживания надо отрезать от себя все, что выделяет тебя из толпы.

– О чем ты? – не поняла Татьяна. – Ты про какое метро?

– Про то, где не ходят поезда и не воруют кошельки. Хотя нет, второе иногда случается.

Тимка уставился на Таню с изумлением. Та спросила:

– Можно поточнее?

– Конечно, – согласилась Альбина. – Меня однажды поставили перед выбором. Могла согласиться на смену имени и всю жизнь терпеть новые правила. Или с самого начала постоять за себя. Так что…

Незнакомка показала растопыренную пятерню. Ее ладонь пересекали несколько шрамов.

– Хороший трюк, – сказал она. – Принимаешь удар ножа в ладошку, смыкаешь пальцы, вырываешь клинок и режешь врага по глазнице. Кровь фонтаном, и неясно, чья она. Но знаете, почему я удивилась больше всего? Что я смогла сокнуть пальцы!

Земфира закрыла рот ладонью. Тимка выронил карандаш.

Татьяна вскочила.

– Кто ты такая? – спросила она снова, попытавшись придать голосу побольше неуместной строгости.

— Та, кто осталась собой, — ответила Альбина, глядя на танин шрам на щеке. — А ты, похоже, этого не сумела сделать. После того как тебя шестерки Кипариса отделали, ты поте-ряла дом в Датаполисе и вернулась сюда, детишек учить. Похвально. Только не тебе этим зани-маться, уж прости. Как их там звали — Олег и Киргиз?

— Я зову охрану, — сказала Таня, шагая к выходу.

Пальцы сидящей Альбины схватили ее за ногу, сжали чуть ниже колена. Хватка у гостьи была жесткой и бесцеремонной.

— Эй, постой, красавица, — сказала Альбина. — Глянь сюда, а?

Другой рукой она скинула куртку, освобождая зажатую в ладони зеленую ребристую гра-нату. Звонкий щелчок — и в центр шатра, подскакивая, упало стальное кольцо.

Ваня отшатнулся в ужасе. Татьяна застыла на месте.

— Лучше сядь, — посоветовала Альбина. — Мы же урок проводим, верно?

Таня медленно подошла к детям, села между ними, обняла за спины, стараясь почти не дышать.

— Расслабься, — вымолвила Альбина. — Я лишь посланница.

— Чья?

— Своя.

Тимка не отрывал глаз от чеки на полу.

— Возьми, — сказала Альбина. — Не бойся. Никогда «лимонку» не видел? Тебе же инте-ресно, я вижу. Да, цвет не очень, но краска облупилась давно. Я зеленую шишку нарисовала.

Тимка на мгновение вырвался из-под рук Тани, схватил чеку, вернулся обратно и вце-пился в запястье девушки.

— Все хорошо, — заверила гостья. — Вы спрашивали, куда делся учитель Ион? Так я вам скажу. Он жив, здоров, тусуется с «Птицами». Вы же помните, кто это?

— «Птицы» — это команда сталкеров, — сказал Ваня, прежде чем Татьяна успела его оста-новить. — Живут в Шлюзе, это станции такие еще.

— Умный мальчик, — похвалила Альбина. — Все правильно сказал. Три месяца назад ваш учитель Ион отправился в путешествие, из которого башкой не может вернуться до сих пор, хотя оно у него заняло сутки. Он отвел хорошую девочку Эльзу на Бориспольскую, где добрый доктор Мафусайл должен был ей помочь вспомнить, кто она. Но добрый доктор оказался не так добр, предал Иона и захотел продать девочку злым дядям с Метрограда. Учитель Ион проявил храбрость, спас девочку и отоспал ее вместе с ее прекрасным принцем Давидом обратно на Бориспольскую, где они и живут, пока снова кому-то не понадобятся. Неинтересная сказка, правда?

— Что сейчас делает учитель Ион? — спросила Земфира.

— А учитель Ион сам вспомнил, что когда-то таскал автомат, и решил, что такая жизнь ему больше по душе, — ответила Альбина. — И решил он остаться со сталкерами в Шлюзе, если они там, конечно, еще не перебрались наверх. Искать спуск на заваленные станции Красной линии.

— Куда наверх? — спросил Тимка. — В Метроград?

— Ну что ты, мальчик, Метроград же занят.

— Занят? Кем?

— «Метроградовцами», конечно же. Сталкерами, которые не входят в ваше милое госу-дарство, потому что родили потрясающий план: не жить как люди со всеми, а долго и печально выживать отдельно, страдать по этому поводу и упиваться жалостью к себе. Разве это не логично?

Таня почувствовала, что утратила нить разговора полностью. Только сейчас она ощущала липкий страх, который внушала ей эта сумасшедшая. Дети, похоже, напуганы почти не были.

Они не могли оторвать взгляда от Альбины, и учительница поняла: они в ней видят подругу Иона, и не важно, правда это или нет.

Альбина скептически осмотрела ровную стопку книг на столе.

– Ни одной сказки, – заметила она. – Жаль. Я бы почитала. А это что у вас, «Флора»?

– Это наши книжки про растения, – поспешил сказать Ваня. – Там нет одного листка...

– Знаю, знаю, куча таких в метро, и везде вырван один и тот же листок. – Альбина одной рукой пролистала страницы, полюбовалась деревьями в иллюстрациях. – Красивый был мир. У вас есть шанс дотерпеть до лучших времен и увидеть самим. Кстати, ваши данные устарели, молодой человек. Поговаривают, что в метро уже есть одна такая книжка со всеми страницами. Только сомневаюсь, что вам дадут ее почитать. Разве что вы вырастете и заплатите много денег. Но лучше потратить жизнь на поиск деревьев. Настоящих. За деньги вы это не купите, поверьте на слово. Деньги дают лишь право смотреть на отпечатки жизни.

Тимка завороженно глядел, как Альбина перекидывает гранату из руки в руку, постоянно удерживая зажатый рычаг разными пальцами.

– Перестань, пожалуйста, – попросила Таня, бледнея. – Они еще дети.

– Красавица, я рассказываю чистую правду, – спокойно сказала Альбина. – Ты сама чему их учишь? Не физике же с химией. Кстати, тебе про базовые основы сопромата рассказать? Или ваше процветающее государство не способно найти этому знанию применения? Нет, ты рассказываешь то, что им поможет выжить и вырасти. Как правильно читать. Как почистить свинтуса на ферме. Почему девочки кровоточат, а мальчики нет. Короче, все делаешь верно. И я поступаю так же. Видишь, твои детки уже понимают, что при виде гранаты надо сидеть и молчать, а если говорить, то по существу. И, если будете сидеть спокойно, то мальчик научится, как вставлять чеку обратно.

Татьяна решила ничего не говорить.

– Вот, – произнесла Альбина. – Ты тоже учишься. Думаешь, я жестока? Пройди ты через то же, что и я, хоть на одну десятую – не позволила бы к себе подкрасться. Никто бы не смог избить тебя безнаказанно. Так что...

Альбина покачала головой, глядя в сторону. Казалось, она забыла, что хотела сказать, хотя Татьяна чувствовала: такая женщина не забывает ничего.

– Вот же чертюка Ион, – продолжала Альбина. – И кто просил его лезть к торсионной пушке? Свернул себе мозги на четыре года. Забыл, кто он. Забавно, если окажется, что он не помнит и меня. Но знаете что?

Альбина наклонилась вперед.

– Думаю, теперь он помнит все, и потому возвращаться не собирается, – сказала она, улыбаясь во весь рот. Ее улыбка была жуткой – словно ей неоднократно ломали и чинили челюсть. К тому же у Альбины каждый третий зуб тускло блестел серебром.

Татьяна шумно вздохнула.

– Кто это делал? – спросила она.

– А? – не поняла Альбина, поглаживая гранату. – Ты про что?

– Твои зубы. Где ставят такие пломбы? Я стоматолог, знаю всех в Кресте. Такой работы не видела.

– Ты стоматолог? – не поверила Альбина. – Надо же. Я не знала.

– Где ставят такие пломбы? – повторила Татьяна, прижимаясь к детям. – Ответь!

– Успокойся ты, – сказала Альбина. – На «Каштанке» ставят. Поняла?

– А это где?

Раздался тихий писк, от которого Таня вздрогнула, а Земфира вскрикнула. Альбина посмотрела на часы на левом запястье, выключила таймер.

– Далеко от Лукьянинской, – ответила она и посмотрела на Тимку. – Так, время вышло. Мальчик, подойди ко мне с чекой. Только осторожно.

Она протянула зажатую гранату вперед.

Сглотнув, Тимка подошел поближе, теребя кольцо со стержнем.

– Вот сюда. – Альбина показала на отверстие вверху ребристой смерти. – Видишь? Осторожно только, плавно... Вот так... Молодец.

Альбина быстро загнула предохранительные усики, отпустила рычаг. Сунула гранату в карман, накинула куртку на плечи.

– У вас уютная атмосфера, – сказала она. – Хорошее дело вы с Ионом придумали, признаю. Только, Тань, разработай новую программу. Три месяца гуляли, хватит. Каникулы кончились, начинается новый курс.

Резко отстегнув молнию, Альбина покинула шатер.

Лукьяновская продолжала жить своей жизнью процветающего миниатюрного города. Никто не обращал внимания на то, что происходило внутри шатра, потому что само его существование было обусловлено желанием людей не замечать ничего лишнего вокруг. Если во время работы мешали дети – они отправлялись к Тане в шатер, пусть не всегда и на короткое время. В этот день с Таней было только три ребенка – жители станции по-прежнему игнорировали все, что происходило внутри, чем бы оно ни было. Потому и на выходившую оттуда незнакомку уже никто не смотрел. Напротив, она стала привлекать меньше внимания, чем ранее – сейчас можно было без труда додумать причины ее визита. Молодая женщина с отдаленной станции пришла разузнать про место, куда можно пристроить своего сорванца – может, с надеждой, что удастся оставить его здесь навсегда. В конце концов, подобные желающие находились тут не реже двух раз в месяц. Были еще в Кресте места, где человек в возрасте до десяти лет считался ни на что не годным, кроме любого подобия школы, лишь бы она заслуживала доверие. Таким образом люди хранили веру в новый лучший мир.

Здесь не имелось внутренних патрулей, вся охрана сводилась к редкому контролю платформ да несению дежурства в туннелях. Хотя и подобное происходило все реже. О том, чтобы досматривать случайно выбранных людей на самой станции, и речи не шло. Лукьяновская славилась дружелюбием к туристам – во многом благодаря требованиям Датаполиса. Посещение станции было бесплатным, никто никого не ограничивал. Если не мешать туристам, то они сами начнут вносить свой вклад в обустройство станции. Таков был расчет.

Сегодня он должен был впервые дать серьезный сбой.

Альбина прошла метров двадцать – целое расстояние по здешним меркам. Свернула в узкий бетонный лабиринт, где монотонно гудела лампа, тусклая даже для метро. Принялась ждать посреди пыли и паутины, вслушиваясь в стандартный оживленный шелест станционных звуков.

Примерно через минуту загремел замок и открылась низкая дверь, выпуская из темного проема двух мужчин – коренастых, крепко сбитых и вооруженных. При виде Альбины они перестали переговариваться и озадаченно уставились на нее.

– Здорово, мальчики, – сказала Альбина. – Все еще снуем закоулками? Чего сразу по дороге не пошли, как все нормальные люди? Это известный канал для контрабандистов, вам тут делать нечего. Разве что один из вас тащит контрабандой другого. Скажем, на органы.

– Ты кто? – буркнул один из пришедших.

– Зубная фея.

Улыбнулась.

Ближайший гость попятился.

– Кто из вас Олег, кто Киргиз? – спросила Альбина и подняла руку в останавливающем жесте. – Хотя, знаете, мне плевать. Слушайте оба: дальше вы не пройдете. Возвращайтесь ксмотрителю и скажите, что свое распоряжение о закрытии школы Иона на Лукьяновской он может свернуть трубочкой и засунуть себе в задницу. Все поняли?

Мужчины переглянулись. Ближайший из них, хмыкнув, попытался пройти мимо Альбины.

Еле видимое движение – и он повалился на напарника, с ревом зажимая руками поврежденный глаз. Второй гость испуганно обернулся, снова посмотрел на незнакомку, вытащил пистолет.

Альбина прыгнула вперед, перенося вес своего тела на противника, схватила руку с пистолетом, вывернула вверх. Выстрел почти оглушил ее, но мужчина не выпустил оружия – ударил Альбину в нос, дернулся назад, упал спиной на груды свернутых кабелей и гнутые куски арматур и прицелился.

Резким взмахом руки незнакомка разбила единственную лампу, погрузив коридор в темноту. Казалось, вопли человека с поврежденным глазом стали громче. Следом последовали еще два выстрела.

– Зря, – коротко сказала Альбина, вытаскивая гранату. На этот раз она не смотрела, куда упадет чека – швырнула ребристое яблоко по коридору, отступила назад, укрылась за бетонным углом.

Хлопок взрыва оглушил ее окончательно. Лукьянинскую сотрясла волна, импульсом передавшаяся на пол и стены. Посышались вопли перепуганных горожан, и вскоре к месту взрыва уже бежали мужики, вооруженные баграми и лопатами. Конечно, за ними следовали и автоматчики. Здесь жители давно уже не путали выстрелы и сбой трансформатора, а взрыв и вовсе переполошил всех без разбору.

Альбина бросила взгляд на школьный шатер – не поврежден. Смахнула густую белую пыль с куртки, шмыгнула носом, пытаясь остановить кровь. Пошла в сторону выхода, мимо переполошенных жителей станции, прямо к опустевшей платформе, где стояла электродрезина со штандартом смотрителя. Залезла на нее, села в пустующее место водителя, стукнула по кнопке запуска. Затарахтел мотор. Гермоворота были открыты, впуская чернеющую темноту туннеля, ведущего к Датаполису. Напуганная взрывом охрана мирной станции давно сбежала к месту взрыва, и дрезину никто не остановил.

– Разбаловал ты их, Ион, – произнесла Альбина сама себе, осматривая холодный ствол обнаруженного в дрезине дробовика. – Жди меня. Уже скоро.

Глава 2

Уединение

Напрасно жители подземелья полагали, что мертвый город в нескольких десятках метров над головой – самое опасное, что может быть. Если бы они могли найти в себе храбрость, чтобы подняться наверх, по общарпанному эскалатору, через несколько герметичных отсеков и толстых ворот, то обнаружили бы, что город лишь притворялся мертвым. Притворялся долго и терпеливо, чтобы напасть в неожиданный момент через своих верных обитателей, многие из которых не могли бы существовать в довоенном мире. Ядерная война стала моментом их творения, вторым шансом доказать эволюции право на существование – и никто этот билет сдавать обратно не собирался.

Двери Шлюза на Олимпийской закрылись пару минут назад, и их уже порядком занесло пылью, ядовитыми каплями и местным подобием снега. Единственным проявлением жизни на поверхности сейчас были шестеро мужчин – в привычном им снаряжении и при оружии. Некоторое время после выхода они стояли молча, словно привыкая к месту и вырабатывая внутреннее сопротивление окружавшему их городу. Затем, не сговариваясь, двинулись вперед, и каждый обозревал свой угол местности. Где подводили замутненный стеклом шлема взор и зажатый резиной слух – там выручал опыт. Добравшись до возвышенности, сбитой временем и исковерканной природой в естественный холм нового времени, сталкеры посмотрели на город.

Звук грома подполз как обычно – сумбурно, торопливо, словно негодяя, что опять не поспевал за молнией. Ветер рванул заклепки на поношенном защитном костюме неподвижно стоявшего мужчины, обдал ледяными снежинками, за которыми дунул теплый и влажный поток. В этом мире отдельные течения воздуха конфликтовали друг с другом не хуже, чем копошащиеся внизу крысы и их двуногие любители. Хотя еще непонятно, кто кого любил больше.

Мужчина не шевелился, словно ждал, когда запахи мира проникнут сквозь фильтр противогаза и разорвут шлем изнутри в бесплодных попытках подчинить его воле природы. Но он тоже был ее частью – самобытной и независимой в той степени свободы, которую давали автомат, фильтры и товарищи за спиной.

Скрип встроенной радиации в этот раз был обрывистым, приглушенным. Пора менять батарейку. А лучше весь аппарат целиком.

- Феникс, – послышался голос командира.
- Есть Феникс, – отозвался гулкий голос, перемежаемый треском покоцанной техники.
- Ворон.
- Тут.
- Воробей.
- Да.
- Аист.
- Не могу ответить, командир, ребенка выроню…
- Аист!
- Да. Извини, командир.
- Ион.

Нет ответа.

Очередной порыв ветра разбил ледяные осколки о шлем сталкера. Он даже не повернул голову – стоял, словно памятник своим мечтам о себе самом, пока ему на плечо не легла рука в выцветшей перчатке.

- Ион, – произнес Кондор.

Мужчина слегка повернул голову. Коротко кивнул.

- Мне надо слышать, – произнес командир.
- Здесь, – ответил Ион. – Пока еще здесь.
- Оставь его, Кондор, – посоветовал Феникс. – Дай человеку побывать одному.
- Одиночки здесь не выживают, – проговорил командир спокойно. – Многие пытались.

Никто не смог.

Ион убрал чужую руку со своего плеча. Мысль Кондора он понимал и даже во многом разделял. Ему лишь хотелось побывать одному, хотя он знал, что это уединение было бы невозможным без группы товарищей, прикрывающих спину.

Уединение – вот что оказалось лучшим из встреченного им наверху. В метро никакого уединения не существовало. Под ним понималось гнетущее, терзавшее душу одиночество, которое могло навалиться в любой момент. Когда оказываешься в туннеле и слышишь рокот запираемых гермоворот. Или сидишь в карцере, не имея никакой работы. Правда, эту сторону социума Ион знал разве что с чужих слов, но хорошо помнил напуганный взгляд жителей Лукьяновской, прочувствовавших это на себе. Одиночество никогда не было добровольным – лишь карой, накладываемой обществом.

Но уединение – совсем другое дело. Разница в выборе. Огромный мир вокруг уже не пугал настолько, чтобы давить невидимыми стенами. Напротив, здесь можно при ряде условий найти свои плюсы. Только самих условий много – внимание, концентрация, доля смирения, внутренняя открытость без отчаяния. Самым сложным стал отказ от попыток изменить этот мир. Те, кто пытался – перегорали в одиночестве.

Все живое здесь жило в гармонии – иногда жестокой, иногда безразличной, и любило уединение, так что Ион по праву требовал от мира свою долю. За подобное право он заплатил слишком высокую цену.

– Три минуты, – сказал Кондор. – Феникс, перевесь снарягу иначе.

– На походку, что ли? – уточнил сталкер. – Мне в боевке лучше… ладно. Аист, подержи ружьишко.

Ион почувствовал, что его снова оставили одного, пусть и по надуманному предлогу – и ощутил укол благодарности. Опустил взгляд на автомат, уставился на него, словно пытается понять, не являлся ли этот агрегат частью его самого. Вынул магазин, протер его о перчатку, вставил снова. Ощущение было таким, словно из души вытащили нечто важное и вернули на место.

«Кто я???

Автомат словно играл с Ионом в ментальные догонялки – казался то надежным товарищем, то чужеродной вещью. Чем-то таким, что хотелось сразу и выбросить, и, напротив, слиться с ним в монолитную машину. Ион цеплялся за подобные сравнения, прогоняя их через разум и сердце, понимая, что только так он может оценить обе стороны себя. Одна сторона личности – бывший шпион под руководством уже покойного генерала Ольшанского, обученный боец, тренированный сталкер, у которого забрали четыре года жизни через непонятные довоенные технологии. Вторая сторона – мирный педагог с отличным служебным списком, который помнит запах шатра на Лукьяновской, шелест страниц учебников, огни перемотанных изолентой гирлянд… Но чьи воспоминания сильнее? И что определяет личность – прожитые события или их актуальное восприятие?

За те три месяца, что Ион бродил с «Птицами», обе личности почти слились воедино. «Наверное, так и восстанавливаются после амнезии», – подумал учитель.

И все же временами Ион чувствовал, что внутри бушует буря. Что он не пытался делать, как не раскладывал воспоминания по полочкам – эффект был один и тот же. Стресс, тревога и бессонница. Он не чувствовал себя целым. Все, что с ним случилось, сейчас просеивалось через непонятные умственные фильтры, которые не заменить простым откручиванием головы. Ион усмехнулся про себя – оказывается, он еще помнит, как шутить. Где же он мог этому

научиться? За время, проведенное в тройке Ольшанского, смеяться было особо не над чем. Шатер на Лукьянинской давал ему некоторый уют и еще больше суматохи, но смешно в нем, опять же, не было. Вероятно, юмор – это то, что рождается между сложными этапами жизни. Побочный эффект, вызванный перепадами психологических температур.

Единственным местом, простиравшим голову, было открытое пространство мертвого Киева. В сравнении с этим все земные проблемы притихали и испуганно прижимались друг к дружке, спешно заключая перемирие.

Ион подозревал, что многое из того, чем удивлял и потрясал открытый мир, не имело никакого отношения к Катастрофе, радиации и смертям вокруг. Учитель считал, что если в довоенное время посадить человека под землю и дать вылезать наверх раз в пять лет – реакция будет примерно той же. Восприятие бесконечной бездны над головой, сбой всех пространственных ориентиров, головокружение от необходимости смотреть на удаленные объекты. Знать бы точную разницу между старым миром и новым – легче было бы привыкнуть к тому, что может стать еще новее.

Ствол автомата бесстрастно смотрел в сторону серого облака. Сейчас Ион мог отличить сталкера от учителя внутри себя только через восприятие оружия. Вот прицел – это инструмент для приближения и фокусировки или же тактический элемент? Суть одна, идея тоже, а ощущения разные. Ион провел обжатым рукавицей пальцем по линзе, заметил незначительный скол. Нахмурился. Банальная мелочь, но что с ней делать? В голове Иона боролись между собой два взаимоисключающих предложения. Учитель требовал снять ненадежную вещь и заменить новой, дабы избежать возможной погрешности параллакса. Сталкер предлагал присмотреться к оптике, провести тестовую пристрелку, проверить в учебном бою. Да и где он возьмет замену? На месте Иона какой-нибудь обитатель Креста выбрал бы первый вариант, «метропрадовец» – второй. Но каждый из них вообще не думал бы над вопросом, сумел бы определиться сразу. Где всего один вариант решения – там нет и задачи. Ион же видел задачу с двумя неизвестными во всем подряд, даже в лежащем на земле камне, что его и нервировало. Он периодически отключался от поступающей информации, пробуя разобраться с уже полученной. Только что он смотрел на прицел, как уже начал замечать не совсем удобный ремень – не стоит ли подправить его длину под новый комбинезон? Приклад не дает баланса – можно утяжелить его, скажем, за счет дополнительных ножен под боевой клинок… никто так не делает, но экспериментировать все равно надо. А спаренные магазины обязательно ли обматывать разными концами, или все же попробовать крепить параллельно…

Ион нервно протер забрало шлема. Он не мог подобрать слов для себя самого, хотя они были не нужны – их заменяли эмоции.

«Проклятье, если эта штука начнет со мной разговаривать…»

С этой мыслью в Ионе-сталкере проснулся Ион-учитель с Лукьянинской. Если автомат начнет с ним разговаривать – надо будет просто отдать его Кондору. Бросишь наземь – пиши пропало, сталкеры сочтут за истерию. Конечно, ничего не скажут, но о единой команде можно будет забыть. Попросят вернуться к себе, на Лукьянинскую, тем более что там никто не знает о его приключениях.

Хотя, с другой стороны – такая ли уж они хорошая команда?

Наивно и нелепо было бы полагать, что после приключений на базе Метропрада им удастся в первый же день найти спуск на Красную линию. Такая цель даже не ставилась – о ней поговаривали какое-то время, но разве что как о планах на будущее. Слишком многое вещей следовало привести в порядок, и сделать их надо было срочно. Прежде всего – обеспечить себе максимум автономности.

К счастью для «Птиц» Кондора, автономность – их вторая натура. Спасибо дискриминации со стороны Датаполиса, чей режим давно вытеснил сталкеров на заброшенные станции – Шлюз, предоставив им заботиться о себе самим. Им даже отсоединяться не пришлось, разве

что спешно переоборудовать приграничный участок туннеля и на всякий случай укрепить обороноу. Старенькие гермоворота все еще работали, также имелся запас топлива, воды и провианта на критический случай. Выход в Киев, опять же. Любую осаду можно пересидеть. Сверху им могли мешать разве что разрозненные кучки оставшихся «метроградовцев», но у тех сейчас есть задачи поважнее – разобраться с собственным руководством, провести смену власти в своем убежище, пересмотреть деловые связи с Датаполисом. Разумеется, после выхода из их штаба «Птицы» не посягали на жизни бойцов чужой войны, так что Шест – глава Метрополиса – остался жив. Однако было ясно без слов, что его дни как лидера сочтены. Смена власти бывает скорой, но последствия всегда болезненны и продолжительны.

Словом, «Птицы» могли долго отсиживаться в гнезде, выдерживая паузу, которая в умелых руках способна стать мощным оружием в любом споре.

И заодно привыкать к Иону как к новому участнику.

Сделать это было нелегко – Ион сам за три месяца толком не сумел понять, чего теперь ему желать. Самым логичным было бы, возможно, вернуться на Лукьяновскую, но тогда у него будет ощущение, что он предает что-то очень важное.

За время хождения с командой Кондора он отточил навыки передвижения по поверхности до автоматизма, который, как известно, враг любого начинания. Остальные передвигались иначе, другой походкой, носили оружие по-другому, оглядывали местность по-другому, и вообще проявляли разумную дальновидность, на фоне которой поведение Иона смотрелось как преступная самодеятельность. Учитель был достаточно догадлив, чтобы не пытаться просто копировать манеры «Птиц». Он вдумчиво и внимательно анализировал каждое их движение, хотел докопаться до истинных причин – почему, например, перед спуском в яму сталкеры долго смотрят на ее противоположный конец. Про спонтанные оползни и осыпания, равно как и круговые растяжки, Ион догадался уже сам. Чем больше учитель чувствовал свою относительную принадлежность к команде, пусть и пришитую не пойми как и зачем, тем меньше он понимал собственные проблемы. Особенно когда они не имели прямого отношения к главной задаче дня.

«Кто, черт побери, сделал ментальные излучатели, и для чего?»

К глобальной задаче, так никем и не решенной – найти спуск на Красную линию – лишь добавилась вторая. Понять, что за мозговые глушилки там работали. Генератор торсионного шума, черт бы его побрал. Ион смутно припоминал, что подобную формулировку слышал очень давно, но где и от кого… Эта тайна была сокрыта мраком времени и воображения.

После возвращения от «Сто первой» башни никто и не поднимал речь о возможности вернуться туда. Ион порывался много раз это предложить, и каждый раз останавливал себя. Командир группы – Кондор. В свете имеющихся обстоятельств Кондор способен предусмотреть любое желание Иона, и если ни разу не поднял вопрос о дальнейшем расследовании судьбы Красной ветки – значит, тому есть причины.

Зато он нашел «Птицам» другое занятие, не менее удивительное. Сперва идея командира не получила не то что поддержки, но даже понимания. Лишь через две недели сталкеры начали как следует осознавать, на что Кондор перенаправил их усилия. В какой-то степени командир «Птиц» умело подхватил случайно брошенную фразу Иона и развил ее до рабочей концепции: если покойный Мафусайл, сам того не желая, распространил по станциям Креста множество испорченных экземпляров «Флоры», тем самым побудив народ искать неповрежденную копию, то нельзя ли повторить эту фишку с чем-нибудь еще?

Ион признал, что мысль лежала на поверхности, и с досадой утешал себя тем, что был слишком занят самокопанием, поэтому и не сумел разработать дальний проект по улучшению благосостояния «Птиц» – и сопутствующего контроля над населением Креста. В самом деле, если свежесобранный батарейка на развале Датаполиса стоила пять патронов, то откуда такая цена? Почему не три или семь? Пусть экономика Креста за годы успела выровняться

и теперь базируется на потребностях людей, но она была и остается замкнутым механизмом. Ценность вещей, принесенных извне, никем не оговаривается и во многом зависит от случая. Люди привыкли платить за нужное, но душа все равно просит любой компенсации скотского существования, хоть какой-то намек на роскошь. Так зачем «Птицам» снова и снова собирать по поверхности ценные полимеры, если их отсутствие никак не сказывалось на жизни Креста? Не лучше ли принести вещь, лишенную практического смысла, но цепляющую за живое? Что-нибудь такое, что заставляет чувствовать себя во всех смыслах успешнее, чем твой сосед через картонную стенку, с которым вы вчера, сегодня и завтра откачиваете воду, несете дозор или чините проводку.

Так что последние три месяца «Птицы» занимались тем же, что и раньше – собирательством, – однако на этот раз не имели конкретной цели. Они выходили из Шлюза четыре раза в неделю, чтобы обрести эту цель наверху. Выражаясь почти позабытым и диковинным в это время словом – они прогуливались.

Полученным экземпляром «Флоры» сталкеры распорядились с размахом – через связи Ворона с богачами Контрактовой удалось выйти на тамошнего олигарха, сдававшего гамаки работягам и дравшего с них за это три шкуры. Таинственный экземпляр справочника расстений со всеми целыми страницами заинтересовал коллекционера до такой степени, что тот мигом отвалил «Птицам» награду не менее мифическую, чем сама книга – дрезину с грузом боеприпасов, оружия и снаряжения. Причем все новенькое и, конечно, довоенного производства. Теперь сталкеры фактически могли взять под контроль хоть весь наружный Киев, если он до того еще им не принадлежал. Однако Кондор распорядился приберечь ценные ресурсы и заняться поиском других.

Сейчас любой актив подошел бы, сконвертировался в товар, продался бы внизу за что угодно – от жетонов, все еще ходивших на некоторых станциях, до живых свиней, которые везде считались местным стратегическим запасом и в принципе никогда не шли на экспорт. Кондор понимал, что сейчас недостатка в припасах у сталкеров нет, зато есть проблемы с репутацией. После обезглавливания Метрограда в подземном государстве прокатились волнения, которые быстро утихли, не вызывая особых конфликтов. Погашены они были не столько авторитетом Кипариса, сколько откровениями жителей юго-восточных станций, которые уверенно обвинили Метроград в точечных убийствах. Сейчас народ имел свою точку выхода пара. Кондор понимал, что новой подобной точкой могут стать сами «Птицы». Нужно было закреплять за собой авторитет единствено верных добытчиков, последнего оплота надежды. Он также предугадал внезапный рост числа добровольцев на вступление в отряд «Птиц». Пока что отказал всем без исключения. Ион его понимал. Стоит Кондору начать расширять свои ряды за счет добровольцев снизу – и для Кипариса он мигом превратится в политическую силу, непонятно как настроенную. Уж лучше оставаться независимым элитарным подразделением и постепенно обрасти легендами. Отчасти таковой легендой стал и сам Ион, о шпионском прошлом которого, разумеется, никто не распространялся. Для жителей метро он был все тем же учителем с Лукьянинской, человеком, которому каждый гражданин мог доверить своего ребенка. Тот факт, что теперь учитель бродит наверху, со сталкерами, мог уже сделать из него новую звезду. Чтобы знать точно, следовало спуститься и проверить, хотя Ион пока не решался этого сделать.

Чего нельзя было сказать про Давида с Эльзой, которые после возвращения на Бориспольскую никакой связи с «Птицами» не поддерживали.

Они ушли к себе тихо и почти незаметно. Кто-то из сталкеров – Ион не помнил, кто именно – не заметил их пропажи, пока не вспомнил на следующий день. Ион мог понять, что не так с этой парочкой. Давида как тренированного бойца из секретной тройки генерала Ольшанского, по сути, никто не воспринимал, да и не знал вовсе. Для «Птиц» это был незнакомец, найденный на поверхности три месяца назад, который странно вел себя при каждом погружении в темноту. С Эльзой ни у кого общения не сложилось вовсе. «Птицы» смотрели на нее с той

осторожностью, которой обычно удостоена непонятная движущаяся аномалия. Особенно если аномалия, согласно словам очевидцев, много лет молчала, и затем внезапно начала говорить что-то осмысленное. Эльзы они сторонились с самого начала, и учитель их в этом не винил. Скорее ломал голову, почему Кондор и остальные не избегают его самого. Возможно, решили, что человеку предстоит показать свое истинное нутро в бою, и совместный налет на Метрополис проявил в Ионе все, что им было нужно. Конечно, если не держать в голове тупую, но все же идею, что «Птицы» просто таскают с собой смертника на случай серьезных испытаний. Иначе они бы уже провели ему любую инициацию.

— Так, топать пора бы, — внес идею Феникс.

Ион опустил автомат, повернулся к товарищам, коротко кивнул.

— Все в порядке? — спросил Кондор.

— В полном, — ответил Ион. — Думал, что проще сделать: взять себе новое имя какого-нибудь птаха, чтобы соответствовать вам, или пойти сложным путем.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился Аист. — Сложный путь — это какой?

— Остаться Ионом и изобрести птицу с таким же названием. А вы всем говорите, что такая птица всегда существовала.

— Мне нравится, брат, — похвалил Воробей. — Думаешь, прокатит?

— Почему нет? — пожал плечами Ион, подавляя улыбку. — Сейчас люди о растениях знают только из «Флоры». Напишем свой справочник, назовем «Фауна». Создадим свою мифологию.

— Вношу дальную мысль, — огласил предложение Аист. — Впишем в новую книгу, что Феникс — это такой подвид курицы. Помесь бройлера с несушкой.

— Эй, я тебе... попридумываю тут, — пригрозил Феникс. — Клюв укорочу!

— Поправка принимается. Ион, добавь там в справочник, что Феникс шкворчит, даже пока его на сковородку не кинешь... да ладно, ладно! Мы тебя за это и любим.

Ион зашагал в центре колонны, готовясь осматривать город снова. Перепалку сталкеров он уже не воспринимал.

Давид с Эльзой не выходили у него из головы.

Глава 3

Поддержка

Далеко на юго-восток от позиции Иона и «Птиц», на глубине в несколько десятков метров под землей, располагался участок подземного государства, который отчаянно боролся за автономию, словно остальной мир мог в любой момент исчезнуть. И для таких опасений у жителей станции были все основания. Хотя в метро было жить куда комфортнее, чем наверху, способов попасть под удар тоже хватало. Станциям вечно угрожали сами стихии, соревнуясь за изощренность. Их затапливали воды, осыпался грунт, бушевал огонь, а внешнему воздуху достаточно было просто проникнуть снаружи, чтобы обеспечить быстрое угасание всем выжившим. Набеги, о которых давно не было слышно, тоже не спешили пропадать из памяти. При таких соседях, как перенаселенный Красный Хутор и пустующая Вырлица, ожидать можно было всего. Перекрытие поставок белковой пищи, новый выход из строя электроприборов, да и просто пугающие сплетни – все это могло подорвать шаткий образ жизни людей, которые в отдалении от столицы все больше учились рассчитывать только на себя.

На станции Бориспольская кипела работа – больше, чем когда-либо в прошлом.

Три месяца назад, при подрыве трансформатора, на уши подняли всю станцию. Технарь отослали на анализ повреждений, монтажников – на поиск запчастей. Всех крепких мужиков бросили в дополнительную охранку. Женщины перебрали припасы, перераспределили и перепрятали все, что можно. Детсад перенесли ближе к потолку, где было оборудовано аварийное убежище на случай затопления. Остальные собирали все, что могло пригодиться в ремонте. И это всего лишь электричество – пусть важный элемент общества и во многом приоритетный, но все же не являющийся стратегически первостепенным как для отдаленного от столицы района. На первом месте здесь всегда стояли люди. По крайней мере, те, кто на сто процентов воспринимался как местный. Интересы гостей традиционно не учитывались, хотя кто добровольно пойдет в такую даль?

Пережить пришлось не только чертов трансформатор, но и ряд других происшествий. Нападение Метрограда, убийство нескольких человек, включая Ксению – главную по станции. Предательство и бегство единственного лекаря – Мафусаила. Конфликт с отщепенцами с Красного Хутора. Это было больше, чем могла выдержать тонкая нервная система общества, поэтому все с тех пор свалились в паранойю.

Пожилой Василий Тростников стал временно исполняющим обязанности главного станции, и никому на Бориспольской и в голову не приходило оспаривать его лидерство. К тому же он знал досконально привычки и особенности каждого жителя, понимал сильные и слабые стороны. Организовать всеобщую работу ему не составило большого труда. Страх дисциплинировал не меньше, чем стихийные бедствия. Неизвестность как таковая и являлась одним из видов такого бедствия, если не самым страшным.

Бориспольская начала укрепляться сразу от всего. Выходы были перекрыты кучей самого бесполезного лома, которому не находилось применения уже много лет, и в спертом воздухе стоял вечный запах ржавчины и летали бурье металлические опилки. Выход в сторону инфернальной Вырлицы преграждали отремонтированные гермоворота. Торговля оказалась приостановлена, попав под жесткое регулирование цен. Пришедшие с самих Позняков купцы оказались неприятно удивлены, когда их товар попросту конфисковали до лучших времен – впрочем, пообещав щедрую компенсацию. Правда, ждать ее тоже приходилось до этих самых «лучших времен».

Запасы медикаментов по всей станции, в том числе личные, были изъяты и хранились в сейфе Василия – как, разумеется, и все оружие. Никто даже не пикнул слова против. Патрули

ходили по станции день и ночь; время все еще отмеряли по станционным часам – местной достопримечательности, утратившей всякое практическое значение.

Досмотры и допросы проводились ровно в той степени, в которой не мешали работе досматриваемых и допрашиваемых. Хотя здесь все всех знали, любая искра возмущения могла подорвать зыбкие основы станции.

Здесь никогда не пытались выстраивать конкретный политический режим даже во времена, когда народу жило раза в три больше. Удаленность от столицы и соседство с изгоями Красного Хутора сделали свое дело, сбив оставшихся жителей в обособленную общину. И, как любая послевоенная община, станция развивалась через эмоции.

Бориспольская жила если не в постоянном страхе, то, по меньшей мере, в тревоге. Каждый делал вид, что идет всего лишь бурный процесс развития, но в глубине души все понимали, что так долго продолжаться не может. Следовало признать, что страх окончательно победил в этой битве, и люди старались своим трудом оттянуть как можно дальше момент подобного признания.

В общей суматохе мало кто придал значение внезапному возвращению пропавшего Женьки – охранника станционных часов, которого считали погибшим. Не особо удивились, что он привел с собой девушку, которую здесь раньше не видели. Именно благодаря девушке никто не задавал лишних вопросов Женьке – все понимали, что за причина могла побудить молодого парня исчезнуть и вернуться с парой.

Девушку звали Эльза.

Она казалась молчаливой, недоверчивой, даже немного дикой, но это в порядке вещей у каждого, кому приходится менять дом. У нее не было знакомых на Бориспольской, кроме своего Женьки. Некоторые вроде припоминали похожую девушку, пришедшую сюда три месяца назад, и тогда с ней был совсем другой сопровождающий – от администрации Креста. Странный парень, который обещал проконтролировать ситуацию на Красном Хуторе, да так и пропал. Чего еще можно ожидать от провластных органов?

Со временем рутина вытеснила сумбурные мысли, и к Эльзе больше внимания не проявляли. Работала она со всеми на равных, включая самого Женьку. Пара молодых и умелых рук – хорошо, а в удвоенном количестве – еще лучше. Правда, станционные часы больше Женьке охранять не пришлось. Более того, парень по возвращении их почему-то избегал, хотя в первые дни вертелся вокруг и непременно хотел остаться рядом с ними наедине, что, конечно, было трудновыполнимо. По привычке ему никто не задавал вопросов. Все помнили, что именно Женя много лет следил за этими часами и ему можно доверить их точную работу.

Василий тайком сверял показываемое ими время с собственными старенькими «командирскими», которые старательно заводил каждые двадцать четыре часа всю жизнь – на случай, если Женьке внезапно захочется злоупотребить доверием и что-то сделать с часами. Но нет – парень надежно выполнял свою работу по обслуживанию и чистке агрегата, которая теперь хоть и не являлась его обязанностью, но все же делалась им без нареканий.

Кроме того, Женя со своей подругой давали ценные советы во всем подряд – от методов обжарки свинины до применения золы в самых неуместных сферах. Поэтому над вопросом, куда поселить молодую пару, особо не думали – Василий позволил занять опустевшее жилье врача. Палатку Мафусаила.

Там было все, что нужно молодым людям – два матраса, минимум мебели и даже умывальник. Непонятный ящик, принадлежавший покойному доктору, никто и не пытался выносить. До того как Мафусаил внезапно убил Ксюшу вместе со случайным свидетелем, он успел принять по тому или иному врачебному вопросу всех без исключения жителей Бориспольской, и они знали, что чудаковатый доктор славился сбором самого разного хлама. Ящик в его палатке стал восприниматься как часть мебели, затем как часть самой станции и, в конечном

счете, все про него забыли. А там, глядишь, у молодых появится потомство, и ящик пригодится в качестве колыбельки.

И никто не слышал, что новая девушки обращается к Женьке по-своему.

* * *

– Давид.

– Что, Эльза?

– Ничего, просто я не могу называть так тебя на людях.

Парень посмотрел на отражение в маленьком зеркале. Пару раз вжикнул опасной бритвой по точильному камню и продолжил скоблить щетину.

Убранство большой палатки напоминало миниатюрную казарму Датаполиса, сданную во временное проживание туристу, обворованному в туннелях. Иными словами, здесь не было ровным счетом ничего, напоминающего личные вещи. Если у Эльзы как пришедшей со стороны не было ничего своего изначально, то Давид как фактически коренной житель должен был обзавестись скучным, но все же практическим добром, как и другие молодые мужчины. Раньше собирали по возможности ткань – единственный ресурс, невосполнимый без помощи Метрополиса. До Бориспольской ее и вовсе доставили по большим праздникам. Даже патроны сделать можно было почти полностью из возобновляемых материалов, тем более что с порохом на каждой станции проблем не наблюдалось.

Однако после возвращения на станцию Давид свел все их с Эльзой имущество до пары наборов одежды и совсем уж элементарных вещей вроде той же бритвы. Причем все из этого могло использоваться в качестве оружия – простое наблюдение, которое никто не сделал. Потому что никто к молодой паре в гости не ходил. Все остальное имущество Давида, равно как и медицинское бараクロ Мафусаила, было обменяно на вещи, не вызывающие на первый взгляд подозрений – ремонтные наборы, пустые гильзы, мотки проволоки, обязательные инструменты. От доктора оставили разве что компактные аптечки. По умолчанию все это добро хранилось в потайном отделении под большим непонятным ящиком Мафусаила. Единственное, что пропало и с глаз, и из памяти очевидцев возвращения блудного Женьки – это его автомат, который не нашелся даже в ходе обысков, проводимых с позволения пары.

Более опытный в таких делах наблюдатель вроде любого из обитателей того же Метрополиса с первого взгляда сообразил бы, что молодые люди хотят быть готовыми к выходу со станции в любой момент. Местные же жители ничего не замечали. Слишком много они вложили в родную станцию, чтобы просто так допустить саму мысль о том, что кто-то может захотеть сбежать отсюда.

Заниматься в палатке было особо нечем, и обычно внутри стояла тишина. Ни разу молодые не устраивали скандалов, не повысили голоса. Ни разу не появился запах самогоня – привычный элемент станционной бытовухи во всем Кресте, чего уж греха таить. Ни ссор с соседями, ни конфликтов за лишнюю доску или сантиметр площади. Ни единого происшествия вроде внезапно загоревшейся обшивки, что тут случалось время от времени с другими домами. Поэтому никто не знал, чем конкретно там могут заниматься молодые, лишенные всем понятных недостатков.

И поэтому никто не видел, как Эльза, лежа на спине, возилась с нижней крышкой ящика, предусмотрительно поставленного на упоры. Повязанный на голову платок уже давно покрылся россыпью металлических опилок. Она то и дело сдувала их, чтобы не попали в глаза. Держать инструменты на весу было неудобно, но девушка не произнесла ни слова жалобы.

– Почему никто не додумался попробовать разобрать его снизу? – спросила она.

– Потому что никому нет дела, – ответил Давид. – Смотри, чтобы не придавило.

– Ты вытащишь меня.

– Могу не успеть.

– Не можешь.

Эльза сменила отвертку на пассатижи.

– Саморез застрял, – сказала она. – Совсем долго тут сидит… Высверлить бы.

– Нельзя, услышат. И квоту электричества выработали на той неделе.

– Мы же ничего не использовали сверх меры.

– Я помню. Квоту сократили для всех. А мы с тобой за одного считаемся.

– Мне все еще не выдали паспорт. Не принимают за свою.

– Я четыре года охранял эти чертовы часы, и все еще не целиком свой, – напомнил Давид. Он вытер бритву о тряпку, сложил ее, сунул в карман.

– Дай я покручу эту штуку, – предложил он. – Иди, прогуляйся.

– Меня загрусят перепрокладывать кабели.

– Значит, ты повысишь свои навыки в этом непростом деле.

– Оно не только непростое, оно скучное, – Эльза вздохнула, выползла из-под ящика.

– Да, помню, – усмехнулся Давид. – Ты у нас творческая натура.

Эльза продолжала сидеть, глядя на ящик.

– Мы поймем, как он работает, – пообещал Давид. – И нам будет что показать Иону.

– Тебе так нужна причина, чтобы его увидеть?

– Скорее, ищу повод отсюда уйти.

– Я уже ничего не ищу.

Эльза поднялась, положила отвертку на ящик.

– Мне здесь тесно, – сказала она.

– Тебе и в Датаполисе тесно будет.

– Ну уж нет, – помотала Эльза головой. – Больше никогда.

– «Никогда» – это очень долго.

– Открыть тебе секрет?

– Конечно, – согласился Давид. – Если они у тебя еще есть.

– У нас кончились шутки. Наши приколы по пятому разу пошли.

Эльза прошла мимо, закрыла за собой дверь – редкий элемент на Бориспольской – и пошла к дальней стене, сняв между сваленных тюков, коробок, узлов и всякого неформатного барахла. Станция выглядела так, словно готовилась к переезду, и это обещало растинуться на долгие месяцы, если не годы. Эльза старалась вести себя естественно, хотя понимала, что маленький рост, невзрачные лохмотья и вечно испачканные сажей руки не скроют ее от страшности, переходящей в кажущийся испуг. Станция ее нервировала больше, чем перспектива выхода на поверхность. Несколько лет блокированной психики не прошли для нее даром – она мало что помнила об этом периоде, кроме путешествия с Ионом. Все, что было раньше, смешивалось в клубок обрывистых воспоминаний: лазарет Датаполиса, заботливые руки Татьяны, вкус почти пустого супа, напоминавшего тухлую воду, и постоянный, давящий на уши галдеж столицы. Девушка, насколько могла, пыталась забыться в работе, и в редкую свободную минуту изучала устройство ящика Мафусаила.

Генератор торсионного шума. Пусть это и не конкретно тот же ящик, которому она обязана своими злоключениями, но стоит ей понять, как он работает, и можно будет не бояться встречи с такими же устройствами в дальнейшем.

Если это, конечно, когда-нибудь случится.

– Извините, вы мне не поможете? – послышался вкрадчивый голос.

Эльза давно приучила себя не покупаться на интонацию. И все же подбор слов был нехарактерен для жителя Бориспольской. Девушка поисками взглядом говорящего.

У картонной стены стоял неизвестный ей человек лет сорока на вид, что автоматически записывало его в поколение людей, знавших мир до Катастрофы. Он выглядел миролю-

биво. Дело было не только в скромной внешности: худощавая фигура, остроконечная бородка, живые, проницательные глаза. Куда больше о нем могла рассказать разбитая обувь, в которой ни быстро бегать, ни нормально воевать невозможно. В руках мужчины громоздился наполовину разобранный радиоприемник, что делало его вовсе неспособным к атаке.

Эльза на миг прикрыла глаза и заставила себя немного улыбнуться. Какой еще атаке? Это Бориспольская, тут уже много времени ничего не происходит, кроме повальной паранойи...

– Что у вас случилось? – спросила она.

– Резистор отпаялся, а припоя на такую мурку мне не выдадут, – пожаловался бородач. – Вы не подскажете, как можно его закрепить подручными средствами?

– Все остальное работает? – Поддавшись любопытству, Эльза подошла к приемнику и принялась осматривать. – Если пальцем придавить – сигнал проходит?

– Да откуда же я знаю? Ловить ведь некого. Но техника должна работать.

– Здесь не в резисторе дело... – Эльза попыталась добраться до внутренностей приемника, но ей не хватало длины пальцев. – Дайте его мне.

Бородач послушно отдал Эльзе радио. Девушка вытащила из нагрудного кармана маленький фонарик, оставшийся еще от полученного в Датаполисе снаряжения. Посветила внутрь и спросила:

– А вы хоть знаете, что такое резистор? Тут у вас много чего не хватает.

– Да как скажете, – развел руками бородач. – Он и без половины деталей работал. Остальное в охранке лежит – изъяли на нужды начальства.

– Да, они могут. – Эльза ему посочувствовала. – Можете медный провод найти? Любой.

– У меня дома есть. А вы... или тут подождете?

– Ташите сюда. – Эльза вместе с радиоприемником села у стены, проверяя ручки устройства на прочность.

– Я мигом! – Бородач исчез. – Меня Толик зовут!

– Как скажете, – ответила девушка и принялась ждать. Радио ее заинтересовало. Не какая-нибудь любительская радиация – полноценный приемник, которому только антенну внешнюю выдай, и мигом поймает все на свете. И диапазон явно хороший, только шкалы не хватает.

Эльза обнаружила, что сидит в позе типичной бродяжки, и с раздражением приняла вид уверенного человека. Старые привычки просто так не уходят. Сколько еще их осталось, что могут всплыть в самый ненужный момент?

– Вот она!

Девушка вздрогнула от неожиданности, подняла глаза. Перед ней стояли трое хмурых мужиков с повязками дежурных на крепких плечах.

– Вы это мне? – спросила Эльза.

– Тебе, – ответил один из дежурных. – Вставай, пойдем.

– Куда? – Эльза продолжала сидеть.

– Не хотим, значит, ну ладно.

Один из дежурных рывком отнял у Эльзы радио. Двое других схватили за руки и грубо подняли.

– Вы что? – нервно спросила девушка.

– Ты арестована за кражу и поломку стратегического ресурса станции Бориспольская, – ответил дежурный.

– Что ты несешь?! Какую кражу?!

– Ведите ее, – распорядился главный, оглядывая приемник, и крикнул вдаль: – Зря ты пришла сюда воровать!

– Я сюда жить пришла! – заорала Эльза, чувствуя, как ей чуть не выворачиваются суставы. – Жить!

– Зря, – тихо повторил главный, стискивая губы. – И жить тоже – зря...

Глава 4 Перекресток

Ион давно приучил себя никогда не доверять чутью, но всегда его слушать. Сам признак, что вокруг что-то не так – уже ценная информация. Даже резкая перемена погоды могла повлиять в Киеве на все подряд от поведения зверя до направления новых пылевых буранов, хотя они и были редкостью. В этом месте было еще много того, что могло сломаться или обрушиться сильнее, чем ранее. Всегда оставалась вероятность спонтанной миграции четвероногих, появление нового мутанта или, чем черт не шутит, нашествие мутировавшей саранчи. Пока одна часть природы менялась, другая не могла не отреагировать. Наконец, всегда оставался шанс, приятный или не очень, встретить незнакомого человека и с ним огrestи новый ушат проблем на свою голову.

В этот день Ион мог ожидать чего угодно и дал себе слово с мужеством встретить все, что покажется неожиданным, будь то отказ воздуховода или ухудшение самочувствия кого-то из сталкеров. Одного он не знал – что делать, если слабым звеном окажется он сам.

Феникс, шедший первым, внезапно замер, поднял руку, сжатую в кулак – и тут же разжал пальцы, как бы сомневаясь, стоит ли останавливать команду. Такое с ним было впервые.

– Что ты видишь? – спросил Кондор.

– Перед собой ничего, – доложил сталкер. – На север посмотрите. Вон там, за горизонтом. Видите?

«Птицы» посмотрели в нужную сторону. Воробей поднес к маске бинокль. Ворон развернул подзорную трубу.

– Дым, – сказал Феникс. – Быстро рассеивается. Точное место назвать не могу.

Ион прикинулся, не было ли в последнее время дождя с молнией. Вроде нет.

– Что может гореть? – спросил он. – «Метрополис» что-то подпалили?

– Какой им смысл? – Кондор забрал трубу у Ворона, посмотрел сам, но не увидел ничего, кроме скрытых в тумане бетонных каркасов. – Так мы ничего не увидим. Но проверить надо.

– Сейчас? – спросил Ион.

– А когда еще?

– Фильтров у нас на полчаса от силы. Загибаются совсем.

– Ничего, на тебя хватит, – заверил Кондор. – Пройдем немного вперед, ничего не теряем. Нам все равно через Дворец возвращаться.

Ион только хотел спросить, где Кондор возьмет запасные фильтры, как вспомнил, что у «Птиц» вокруг Шлюза оборудованы схроны. Ему стало не по себе. Он все не мог вникнуть в систему сталкеров до конца и потому еще не мог считать себя их частью, даже если Феникс придумает ему незабываемую инициацию. К тому же схроны имелись и у него самого, но порой Ион забывал сам факт их существования при том, что отлично помнил координаты. Ему редко когда приходилось что-то считать в равной степени нужным в принципе и необязательным в данный момент, чтобы иметь основания прятать вещь до лучших времен. Если такое и происходило, то учитель старался убедиться, что «Птицы» в курсе его действий – возможно, его тайники спасут жизнь кому-то из них.

– Лучше до «Олимпийки» пройти, – предложил Аист. – Спустимся там, если что. И обзорная точка есть – с высоты всяко лучше видно будет.

– Хорошо, – согласился Кондор. – Тогда к схронам не пойдем. Идем к Олимпийской, на посторонние объекты не распыляемся. Экономим энергию. Наблюдатели, вперед.

Сталкеры перестроились в строй, прежде Ионом не виданный: Ворон и Феникс отбежали вперед метров на двадцать, сели на землю. Ворон с подзорной трубой принял внимательно осматривать каждый подозрительный предмет в пределах общей видимости, пока

Феникс повторял его движения через снайперский прицел. Они сидели так, пока остальная команда не прошла мимо них спокойным шагом и немного не отдалилась. Затем Воробей с биноклем побежал еще дальше в сопровождении Аиста, и уже настала их очередь следить за местностью, пока Кондор с любопытствующим Ионом их не нагнали. Так двойки менялись друг с другом.

Ион хотел спросить, неужели такая схема себя оправдывает и что она вообще может давать, кроме ненужной беготни, но понял, что это, в конце концов, не его дело. Текущий состав «Птиц» был и оставался самым долгоиграющим. Все, кто в этом сомневался, давно сменили профессию, а то и сгинули на просторах столицы.

В таком режиме они прошли часть пути по Короленковской, продираясь через сплошное кладбище машин. Затем перебрались на улицу Горького. Ион мысленно продолжал вести подсчет координат через адреса, хотя у «Птиц» применялась своя система, дикая для постороннего. В основном они пользовались вешками, известными им одним, так что ходить сталкерскими тропами Ион в одиночку не сумел бы при всем желании.

Подумав об этом, учитель зацепился за данную мысль. У него никогда не было собственных дорог на поверхности. Его все время вела какая-то цель. Уйти с простреливаемой зоны, добраться до лодки, слушать Феникса, вести Эльзу, преследовать Мафусаила, догнать «метрорадовцев». Всегда была некая конкретная задача – промежуточная или нет, но была. Может, этого и не хватает по жизни, подумал Ион. Внятной задачи. Во время проживания на Лукьянновской задача была всегда – ее каждый день задавал ритм станционной бытовухи. Позже, при вербовке генералом, тоже. И в школьном шатре. О путешествии с Эльзой и говорить нечего.

А какая цель у него сейчас? В эти три месяца – что он сделал для себя лично? Или хотя бы для других? Кондор и остальные сталкеры в команде, получается, жили без цели. Став поставщиками Датаполиса, они постоянно дорабатывали сложную систему взаимоотношений со столицей и, по сути, на этом остановились. Ион им даже позавидовал. Хорошая жизнь у «Птиц» – вечный полет в теплые края, которые никогда не покажутся на горизонте. Зато когда всех остальных жизнь подморозит – сразу чувствуешь себя в тепле, сидишь и не чирикаешь.

В следующее мгновение Ион уловил характерный звук, который слышал всего несколько раз в жизни, но узнал безошибочно. Рев автомобильного мотора.

Воробей чуть не выронил бинокль, упал на землю, распластался, словно пробовал слиться с серятиной асфальта. «Птицы» укрылись кто где. Иону выпало сидеть за Аистом в ближайшей яме. Феникс озабоченно поднял «драгунов» из-за толстого фонарного столба. Кондор прижался к остову автомобиля. Оказавшийся за каким-то крыльцом Ворон начал живо менять фильтр, который как раз так некстати принялся шипеть.

В сотне метров впереди поверх ограждений пронеслись верхушки двух машин. Одна остановилась, вторая продолжила движение на север. Кондор не давал никаких команд – пошел вперед, пригнувшись и едва не задевая дорогу стволом автомата. Он прошел до Воробья, направился дальше. Повернулся и махнул остальным рукой.

«Птицы» бросились к нему, стараясь, чтобы их не было видно, но на слышимость уже внимания никто не обращал. Мотор оставшейся машины все еще работал – их не могли услышать при всем желании.

Ион решил не вмешиваться, но фиксировал увиденное со всем возможным вниманием.

На пересечении Владимирской и Жилянской стоял грузовик, сохранивший еще следы довоенной краски. Годы его основательно попортили, обеспечив естественный камуфляж из ржавчины и плесени. Если грузовику перебирали ходовую часть, то о внешнем виде никто не позаботился. Впрочем, это как раз вопросов не вызывало.

Характернее было то, что колесным транспортом в Киеве не пользовался ровным счетом никто. У «Птиц» не было транспорта вообще. У Метрополиса было несколько машин, только в мертвом городе с забитыми дорогами все равно негде ездить. Транспорт применяли разве

что для короткой доставки особо тяжелых грузов по крайне ограниченному числу маршрутов. Ион не помнил их все, но знал, что теперь любые дороги ведут в МетроГрад.

Однако этот грузовик среди машин МетроГрада никогда не значился. Учитель это помнил достоверно, потому что колесные монстры в его школьном шатре были не меньшими легендами, чем сами «Птицы», и их все знали наперечет. Тимка даже приносил с собой игрушечную модель и говорил, что «вон то ЗИЛ, а то УАЗ». Сейчас Ион смотрел на неизвестную ему модель, которая чем-то была похожа на ЗИЛ, но больше и грознее во всех смыслах.

Крытый фургон – явно набит чем-то тяжелым – заставлял грузовик заметно проседать. Передний отбойник усилен параллельными рядами рельсов. Колеса блестят, словно ехать грузовику приходилось через лужи – однако сейчас в южной половине города нельзя было найти ни единой. Все говорило о том, что машины не имели к Кресту никакого отношения.

Ион постарался проверить эту мысль, поймав взгляд Аиста, и похолодел, увидев в нем полнейшую растерянность.

Хлопнула дверь – из грузовика вышел боец в закрытом костюме. Он выглядел так, словно кто-то взял защитный комбинезон, разрезал на куски и пришил их на соответствующие места сталкерской формы «метроГрадовцев». На груди виднелась рация с витым отходящим проводом, ведущим куда-то за пояс. Видимого орудия не оказалось, хотя это не значило, что его не было. Судя по походке, боец чувствовал себя наверху вполне уверенно, даже слишком, словно ему не приходилось встречать незнакомых людей и весь город принадлежал только ему. Военные ботинки стоптались, однако не казались старыми. Если есть доступ к хорошей обуви – значит, и ко всему остальному тоже. Данное правило работало железно.

Ион попытался рассмотреть, сколько еще человек в кабине, и увидел лишь смутный силуэт водителя. Что было в фургоне, разглядеть не представлялось возможным.

Тут Кондор решил не медлить – перехватил автомат дулом вверх, вышел во весь рост, чуть приподнял противогаз и громко сказал:

– Мир вам!

Боец остановился, уставился через маску на Кондора. Дернулся было обратно к пассажирскому месту, но затем кивнул, поднял руку и помахал. Продолжил путь к задней части фургона.

И припустил что есть духу вдаль, следом за первой машиной. Кондор нацелился из автомата, тут же опустил ствол.

Грохот выстрела больно ударил по ушам.

По Кондору открыли огонь с водительского места. Стреляли, похоже, из дробовика, под очень неудобным углом. Пассажирскую дверь снесло с петель. До Кондора же вовсе ничего не долетело.

«Птицы» ответили с четырех стволов. Ион-учитель забрался в подкорки сознания к Иону-сталкеру, который пулей пронесся по диагонали к крайней правой точке возможного укрытия, последовательно беря под прицел сначала заднюю дверь фургона, затем колеса и, наконец, убегающую фигуру первого бойца.

Он помедлил совсем немного, но момент был упущен – неизвестный скрылся с линии огня, освобождая Иона от принятия сложного решения.

– Отставить! – крикнул Кондор, и огонь стих.

Ион насчитал двадцать биений сердца в полной тишине, прежде чем Кондор громко сказал:

– Мы не враги вам! Выходите, поговорим!

Еще полминуты никто не отзывался.

– Я иду, – предупредил Кондор. – Не вздумайте стрелять, иначе живыми не уйдете.

Командир направился к грузовику, осторожно заглянул в кабину. Повернулся и махнул рукой.

– То ли они поспешили, то ли мы опоздали, – озабоченно сказал Феникс, глядя на безжизненное тело водителя за рулевым колесом, частично разодранным пулей. – Ну ты его хотя бы предупредил. Мир пухом его самомнению.

– А если он по-русски не понимает? – предположил Аист.

– Водит КрАЗ и не понимает по-русски?

Ион сделал в голове пометку, запоминая название грузовика и сам не понимая, зачем оно ему надо.

– Прекратите, – велел Кондор, и остальные сразу умолкли.

Командир отряда пощупал пульс водителя, покачал головой. Стащил с него маску.

– Кто-нибудь знает его? – спросил Кондор.

Молчание послужило ответом.

– Ясно, – сказал командир. – Это не Метрополиса грузовик. И шмотки незнакомые. Сдается мне...

Он так и не сказал, что ему сдается.

– История повторяется, – вымолвил Ион, и все повернулись к нему.

– Ты о чем? – спросил Аист.

– О том, что три месяца назад вы нашли незнакомого человека на поверхности. И от этого никому лучше не стало.

– Там еще второй, – сказал Кондор. – И как минимум, еще одна машина. Мы не человека нашли, а полноценную мобильную и вооруженную группу. Ворон, проверь, что в кузове.

– Сделаю! – Сталкер побежал назад.

Внутри кабины послышалось шипение радио. Ион вздрогнул, посмотрел на динамик на груди убитого. Протянул руку, но Кондор его остановил.

– Прием, народ, – послышался женский голос. – У вас все в порядке? Вы на минуту опаздываете.

Рядом возник Ворон, двигавшийся немного скованно. Ион уже помнил, что только по позе можно догадаться, когда человек в защитной маске сильно звинчен.

– Взрывчатка, – сказал он. – Ящики там лежат штабелями. И картечь в мешках.

– Прием, – повторял голос. – Что там у вас творится... а... отбой. Я вижу Виктора. Он машет, и... так, секунду...

Сталкеры слушали, не отрываясь. Стало ясно, что их раскрыли.

– Похоже, рядом пролетали «Птицы» и нагадили на голову, – говорила женщина. – Как неудачно-то так, а? Хотя... Ион, ты там? Ответь, если узнал. И если не узнал – все равно ответь.

Ион посмотрел на Кондора, схватил динамик, нажал на кнопку, приподнял маску.

– Ион на связи, – сказал он.

Рация разошлась смехом, переходящим в кашель.

– Здравствуй, дорогой, – произнес голос. – Ты меня не помнишь? Это Альбина!

Ион в растерянности смотрел на мертвого водителя, не понимая, что за ассоциации всплывают в его голове.

– Нам надо поговорить, – продолжала женщина. – Среди вас кто-нибудь умеет управлять грузовиком? Заезжайте на огонек. Видите, какой он здоровый?

Аист обежал грузовик спереди, показал на север. Ион медленно опустил радио, уже ясно видя, что именно являлось источником дыма.

Горел деловой небоскреб Киева. «Сто-один-тауэр».

Место, которое четыре года назад изменило жизнь ему, Давиду и Эльзе.

Глава 5 Радио

Охранники Бориспольской тащили Эльзу за руки, которые уже начали болеть – сказалась недавняя работа с ящиком Мафусаила. Тяжелые сапоги били по плитке, начавшей громко и противно хрустеть за годы использования. Взволнованные шумом жители станции бросали свои дела, чтобы посмотреть, как двое дежурных волокут девушку несмотря на то, что она не оказывала сопротивления. Было в этом зрелище что-то до того позабытое и антисоциальное, что привлекало внимание всех и каждого с первого мгновения. Возможно, на то и был расчет – сделать разбирательство публичным. Эльза не звала на помощь – если бы кто-то был готов ее оказать, то уже вмешался бы по собственной инициативе. То ли вера в непогрешимость охраны была у жителей слишком сильна, то ли страх. Скорее, удивление. И бесплатное зрелище. Ни того, ни другого у местных людей давно не приключалось.

– Это ошибка, – повторяла Эльза. – Я ни в чем не виновата!

– Знаем, слышали, – говорил дежурный. – Начальству расскажешь.

Он обратился к ближайшему дядьке, месившему некое подобие раствора внутри лопнувшего футбольного мяча.

– Семен, здорово, – обратился дежурный. – Куда Тростников запропастился?

– Василий колесо у дрезины менял только что, – сказал Семен и уставился на радио. – Что вы с техникой сделали?

– Это все она, – показал дежурный.

– Ложь! – проскрежетала Эльза. – Пусти меня, сволочь, я сама пойду и объяснюсь!

Дежурный не обращал на нее внимания, причем делал это до того демонстративно, что Эльза мигом все поняла.

– Вы чего, меня подставляете? – спросила она. – Сказали бы прямо, что изгоняете! Смелости не хватило?!

– Следи за языком лучше, – посоветовал один из державших ее мужиков.

Эльза промолчала. Она и так следила за языком, подбирая максимально мирные выражения. Депортации со станции она не боялась. Но что будет делать Давид, для которого это родной дом? Они ни разу не поднимали вопрос, искать ли лучшее место или пускать корни прямо здесь. Возможно, никто из них не хотел слышать ответ.

– Ну, чего стал? – рявкнул охранник. – Зови Тростникова сюда, живо! Мы воровку уличили!

Семена как ветром сдуло. Раствор свалился на землю и замызгал плиту. Часть попала дежурному на сапоги, и тот брезгливо отодвинулся. Казалось, его смущил не сам раствор, а вынужденное сближение с работающим человеком.

Эльзе стало тошно и от всей ситуации, и станции, и населявших ее людей. Дежурные вроде не сказали ничего лишнего, и все равно девушка поняла, до чего показушной была любая работа, в которой они с Давидом принимали самое искреннее участие. Все эти покосившиеся бараки, слепленные абы как из трофейных материалов, грабительски вывезенных Василием Тростниковым с Красного Хутора. А тех, как Эльза уже знала, все это время спонсировал Метроград. Точнее и спонсировал, и терроризировал поровну. Комбинация кнута и пряника работала безотказно.

Эльза кипела от ярости. Ей опротивели и велогонки на генераторах, устраиваемые вместо развлечений, а также с целью перезарядки впрок батарей, которые в ходе износа все равно уже не держали никакого заряда дольше нескольких суток. Опротивели попытки перерабатывать свиные рыльца, хвосты и шкуры по старым технологиям, в которых чуть ли не половина прилипшего мяса попросту разворовывалась под видом улучшения качества того, что осталось.

Достала вечная вонь машинного масла, ржавчины, пота и гниющей требухи с фермы. Все это обрушились на Эльзу в одно мгновение. Раньше хотя бы работа ее отвлекала…

«Какого черта мы здесь забыли?» – подумала она со злостью.

Над тем, кому было выгодно подставить ее с приемником, Эльза долго не думала. Двое молодых жителей выполнили все тяжелые работы, теперь надо их выгнать по надуманному предлогу. Или хотя бы ее одну.

– Что тут у вас? – послышался знакомый, вечно недовольный и даже чем-то напуганный хрип Василия Тростникова. – Зачем вы радио разобрали?

– Это все она, – показал пальцем дежурный.

Эльзу это взбесило до глубины души, но она не подала виду. Не было смысла говорить, пока ей не дадут слова. Лучше постоять, подождать, пока эти люди сами выдадут свои планы.

– Ясно. – Василий посмотрел на девушку с жалостью. Как показалось Эльзе – к самому себе. Так могут смотреть на столб, который изначально был вкопан криво, выглядел ненадежно и в один прекрасный момент рухнул.

Дежурные сразу расслабились и тут же напряглись снова, глядя на Эльзу с опаской. Похоже, лично им плевать было на радио, да и на девушку тоже. Они получили приказ – и выполнили его. Дальше ответственность перекладывалась на плечи командующего станцией. Охранников можно было не брать в расчет – на данный момент конфликт должен был разрешить лично Тростников, и Эльза решила если и обращать на кого внимание, то лишь на него.

Выглядел Василий неважко. К усталости, ставшей постоянным спутником и накладывавшей печать на внешность всех и каждого, добавилось нечто странное. Активная форма смиренния, выраженная в стремлении сделать что-то суровое, извратить спущенный свыше приказ до абсурда. Словно новоиспеченного мэра заставили не только совершить что-то нетипичное для него самого, но и вполне искренне этого возжелать. Неужели снова Метрополитен ставит условия? Эльза и Давид оговаривали такую возможность. Пусть путь наверх из ближайшего туннеля давно перекрыт, но никто не говорил, что техническая шахта была единственной, подходящей для налета. Да и от кого тогда станция защищается?

– Ну, хорошо, – сказал Тростников. – Думал, до этого не дойдет, но надо когда-то начать. Тащите ее к часам.

– К часам? – Эльза не выдержала, прервав свое молчание. – Каким часам?! Зачем?

– Двигай! – толкнул в спину дежурный.

Внутренне сжалвшись, Эльза пошла в центр станции. Теперь ей стало страшно. Пусть это был страх неизвестности, но девушка его и ненавидела больше всего.

Через минуту она стояла перед станционными часами, которые теперь служили местом сбора торговцев. И рядом – ни единой свечи. Эльза вспомнила, что говорил Ион про Женяку, которого считали погившим: Ксения помогла устроить мемориал, люди несли свечки за упокой независимо от собственной религии. Но сейчас Давид жив и здоров, зато Ксения погибла. И за три месяца – ни единой свечи за нее.

Эльза обнаружила, что дежурные довели ее до часов в одиночестве – Тростников куда-то запропастился по дороге. И сразу зашумели динамики в колоннах, хотя теперь работала лишь половина.

– Граждане Бориспольской! – заговорил Василий. – Мы все надеялись, что этот момент не наступит! Но рано или поздно это бы случилось. На станции произошла диверсия! Женщина, которую вы знаете как Эльза, вывела из строя наш общий ценнейший актив – радиоприемник, связывающий нас с соседними станциями. Это не должно остаться безнаказанным! Все бросайте свои дела, собирайтесь у часов, где состоится побивание камнями! Если под рукой нет камня, то каждый получит шанс швырнуть что-нибудь символическое вроде пластиковой кружки или носка. Итак, сбор через минуту!

Эльза в шоке слушала этот дикий бред и даже не успела толком осознать его смысл – через мгновение после того, как Василий закончил свое возвзвание, послышался массовый вопль радости со всех уголков станции. Бориспольскую заполонил гул собирающихся горожан.

Девушка, все еще прижимаемая дежурными к часам, внутренне запаниковала. Быть того не могло, чтобы они с Давидом пропустили момент, когда люди успели настолько оскотиниться или хотя бы сговориться на конкретный случай. Что случилось, когда и почему? Датаполис, в котором никто не смел тронуть Эльзу, уже не казался девушке таким ужасным местом.

Между тем минута прошла быстро. Вокруг собралось с полсотни человек разного пола и возраста. Почти все население станции, кроме тех жителей, кто, возможно, отсыпался после смены. Но где же Давид? Он не мог не слышать призыв Тростникова. И точно так же испарился и дежурный с радиоприемником – единственной уликой.

Эльза обвела взглядом жителей. Враждебные лица смотрели на нее, но она их не боялась. За этими людьми не чувствовалось реальной силы. Они просто сбрасывали с себя стресс за ее счет.

Разумеется, ни разу Эльза не слышала ни о каком побиении камнями. Девушка усердно решала в голове задачу. С какой стати люди отреагировали настолько единодушно – оставалось загадкой. Ни у кого не возникло вопросов, с чего бы Тростников, в принципе не злой мужик, вдруг предложил подобное наказание. Или слух о такой мере воздействия передавался из уст в уста, как воспоминание о давней традиции?

Слишком сложная цепочка для того, чтобы просто наказать никому не нравившуюся Эльзу. Нет, тут что-то еще...

– Вот вы и собрались, – сказал вошедший в круг Василий. Теперь он выглядел не только уставшим, но и физически изможденным. Видимо, обслуживание колеса на дрезине было делом непростым. – Это ты поломала радио?

Эльза молчала. Может, если бы ей удалось затянуть процесс допроса, люди бы поняли, что вытворяют.

– Хотя ладно. – Тростников махнул рукой. – Преступление должно быть наказано.

Он хотел добавить еще что-то. По его лицу было видно, что новоявленный предводитель Бориспольской сам не отдает себе отчета в том, как все так получилось.

«Вот и весь суд», – поняла девушка. Внутри Эльзы все кипело, но она молчала. Лишь внимательно наблюдала и запоминала, что происходит. Какой-то феерический бред. Всего пять минут назад она была с Давидом в их палатке, и ничто не предвещало беды. Когда все обитатели станции успели сговориться против них?! Или они выступают только против нее? Если все вокруг так переживают за здоровье и настроение Давида, то должны понимать, что их любимый Женяка такой расправе над своей девушкой не порадуется, мягко говоря. Но почему его все еще нет?

Василий встал перед девушкой.

– Стань у часов, – приказал он. – Или тебе помочь?

Девушка не услышала в его интонации даже намека на издевку. Казалось, Василий действительно готов учтиво помочь обвиняемой стать у места расправы. Эльза посмотрела ему за спину. На лицах жителей станции не было ненависти. Как и любопытства, сочувствия либо азарта. Ничего. Ноль эмоций. Словно собирались выслушать график прибытия купцов на будущий год.

Однако у каждого второго имелись в руках камни от совсем мелких до увесистых булыжников. Некоторые держали всякие относительно неопасные предметы – карандаши, ободранные плюшевые игрушки, пластиковый хлам.

Не веря в происходящее, Эльза подошла к станционным часам, уперлась спиной в мраморный столб. Эту задачу она решить не могла. По крайней мере, не сейчас.

— Луженый провод, — сказала она горько. — Поищите чертов провод, и сможете починить свое радио!

Она закрыла глаза. Не нужно ни в чем разбираться. Не нужно ни о чем думать, искать логику, причины, заговор. Это все сработает им на руку. Она не позволит так с собой обращаться, но не будет первой, кто прольет кровь. Им не спровоцировать ее на нападение одними лишь угрозами.

А если постоять за себя не получится — значит, будь что будет. Эльза верила, что знает себя. И сможет просто перетерпеть, чтобы уйти отсюда навсегда. И, если придется — без Давида...

— Начали! — крикнул Василий.

Эльза услышала шелест бумаги — в нее летел журнал, или старая тетрадка. Подавила нервный смех — что такого должно быть написано в тетрадке, чтобы ее бросок мог кого-нибудь унизить?

Журнал попал в живот и свалился к ногам. Карандаш отскочил от бедра, не оставив следа. Кусок мела щелкнул о стенку рядом с лицом Эльзы. Никто не швырнул камень.

Только девушка решила, что камней не будет, как получила мелким куском рыхлого кирпича в бровь. Крошка попала ей в глаза. Выдохнув, Эльза решила не строить из себя упрямую жертву — закрыла лицо рукой, присела у часов, прижалась к ним. Второй рукой нашупывала любой предмет для самообороны. Где там был тот кирпич? Карандаш тоже сойдет. Если кто-то посмеет меня держать, думала она, карандаш в глаз или ухо — и решится первая из проблем.

— Что вы творите? — послышался голос Давида.

Эльза открыла глаза, на всякий случай заслоняя их ладонями.

Давид прорвался через живое оцепление, тяжело дыша. По его лбу струилась кровь. Эльза сразу забыла про себя.

— Что с тобой? — крикнула она, но Давид не ответил — прыгнул к ней, повернулся, заслоняя собой девушку. Он не был особо крупным, но за его фигурой Эльзу не было видно вообще.

— Остановитесь, люди! — крикнул он, как показалось девушке, чересчур сочувствуя. — Хватит!

— Женя, лучше отойди, — недовольно приказал Тростников. — Не то и тебе достанется.

— Ты ранен? — шепнула Эльза, прячась у Давида за спиной и сжимая что-то острое, на что даже не посмотрела. — Что случилось?

Давид повернулся к ней лицом, и Эльза похолодела от его выражения. На станции что-то творилось, и явно нехорошее — и Давид понимал, что именно. И не мог сказать этого здесь и сейчас.

Парень выхватил из кармана гаечный ключ.

— Пригнись, — сказал он, и девушка послушно скользнула у стены.

Размахнувшись, Давид врезал ключом в циферблат часов, выворачивая наружу составлявшие его пластины. Ударил снова.

Толпа издала гул изумления. Не было случая, чтобы за всю историю станции кто-либо посягнул на целостность этого объекта, имевшего воистину сакральное значение. И еще больше всех потрясло, что это сделал их любимчик Женя — человек, который последние четыре года эти часы и охранял.

Эльза заметила, как Василий каменеет на глазах, затем кладет руку на висящий на поясе нож и машет кому-то рукой. Девушка быстро выпрямилась, взяла Давида за плечо — как раз в момент, как он вытащил из схона в часах автомат, сдирая с него промасленную тряпку.

Обнаженное дуло калашникова посмотрело на толпу, начавшую было приближаться.

— Назад, — пригрозил Давид, передергивая затвор. На этот раз в его голосе не было и намека на участие.

Василий медленно убрал руку с рукоятки ножа.

– Уходим, – сказал Давид Эльзе. – Позже объясню.

– У тебя кровь…

– Позже.

Девушка пошли вслед за Давидом, запоздало вспомнив, что ей предстоит «держать спину». Никто их не преследовал, словно все только и ждали, пока пара сама пожелает уйти.

Давид с автоматом наперевес добрался до дрезины с демонтированным колесом. Возле нее лежали тюки, притащенные недавно членками из музея на Харьковской.

– Возьми все, что пригодится, – сказал Давид нервно. – Мы уходим на Вырлицу. Срочно.

Эльза окончательно растерялась, но поручение выполнила – схватила два снаряженных рюкзака купцов, надеясь, что это не собственность «киммерийцев». Воевать с ними ей не хотелось до такой степени, что лучше бы она выстояла и три побиения камнями. Грабежа по отношению к себе банкиры не прощали и не забывали.

– До арсенала не доберемся, – произнес Давид, глядя, как к ним подбирается толпа. – Закрывай ворота и пробегай в туннель.

– А ты?!

– Я сразу за тобой. И блокируй транспорт.

Эльза вскочила на дрезину, вырвала с корнем пучки проводов, назначения которых сходу не понимала. Для верности сорвала и опрокинула аккумулятор, и пнула по топливному шлангу, разрывая его в местах починки. Провода жалобно повисли, разливая по рельсу капли солярки. Девушка взвалила на себя два рюкзака, вдавила кнопку гермоворот и, не обращая внимания на сирену, юркнула в туннель. Через мгновение по его стенам забегал тусклый луч ее фонарика.

Давид пошел туда же, водя прицел по всем, кого видел. Народ постепенно собирался, держа почтительную дистанцию. Никто бы не усомнился, что теперь он готов открыть огонь. Со своего места парень видел лица людей, составлявших все известное ему гражданское общество, и сейчас он не узнавал их. На одних печаль, на других зависть, и никто не попытался с ним просто поговорить. Теперь все они ему чужие.

– Ворота не открывать, пока не пройдет час, – приказал Давид. – Если откроются – буду стрелять в проем.

С этими словами он скрылся по ту сторону ворот, которые отрезали туннель от станции.

Глава 6 Встреча

Ион глазел на рацию как на живой организм, прятавшийся внутри техники много лет, чтобы его разыграть. Кто, черт побери, мог с ним заговорить?! Грузовик незнакомых противников не просто хранил секреты – он сам был сплошным секретом в три оси и десять колес. Учитель не мог сосредоточиться на услышанном по радио голосе, лишь хлопал глазами и ощущал себя рядом с машиной неуклюжим, лишним. Все это время он думал, что при гипотетической встрече с новыми людьми придется их как-то встраивать в свой мир. Оказалось, мир вполне существовал без него. Это ему надо думать, как встроиться в чужой ритм, если он способен его понять. Мало ему оказалось наткнуться на вооруженных людей – надо было еще и понять их поведение, к чему он не был готов. Остальные сталкеры смотрели на все происходящее как на обычный инцидент, у которого наверняка видели несколько разумных вариантов развития событий. И сейчас «Птицы» Кондора стояли вокруг кабины, глядя на Иона как на оракула, знающего ответы на все вопросы.

– Кто такая Альбина? – спросил Кондор.

Ион понял, что вопрос адресован ему, только когда командир схватил его за рукава сталкерской куртки и повернул к себе.

– Я не знаю, – машинально ответил Ион.

– Кто такая Альбина?! – повторил Кондор. Его проницательные глаза, казалось, сверлили маску насекомого.

– Да не знаю я, – снова сказал Ион, чувствуя, как сердце колотится все сильнее. Он на самом деле не мог определиться, как ответить на такой вопрос. Знание и незнание – две настолько разные категории, что от них в метро зависит жизнь. И все же учитель чувствовал, что способен ответить на вопрос иначе, если только… он сам не знал, что должно произойти. Разум словно отказывался впускать его, ограждая от скрытой информации. И эта скрытность не имела никакого отношения к стирающему память механизму.

Одно Ион чувствовал вполне определенно: если имя Альбина у него с чем-нибудь и ассоциировалось, то точно не с тревогой. Более точно он сказать не мог. От этой незнакомки он мог ожидать чего угодно, но не прямой угрозы. Во всяком случае, не ему лично. Она в разговоре по радио вела себя так, словно их связывало некое общее прошлое. И похоже, это прошлое заполнилось чем-то светлым. Возможно, стоило проверить это предположение, и прямо сейчас.

– Едем, – сказал Кондор, стаскивая мертвого водителя с места.

– Куда? – спросил Ворон, залезая с другой стороны и фактически впихивая Иона точно по центру кабины.

– К ним, куда же еще?

– Подожди, не торопись так, – вырвалось у Иона. «Птицы» снова уставились на него, и на этот раз учитель почувствовал острое недоверие с их стороны. Попытавшись убедить себя, что его товарищи просто выражают таким образом любопытство, Ион произнес:

– Нам нужен конкретный план действий. Кондор, что ты задумал?

– Добраться до твоей Альбины и поговорить, – бросил командир. – Если не получится, то пострелять придется. У тебя есть другие предложения?

– Нет, но…

– Ты предлагаешь все бросить и просто уйти? – спросил Воробей. – Уtkнемся клювами в кроватки и все забудем? А завтра город снова опустеет?

– Я предлагаю все как следует обдумать, – нервно вымолвил учитель. – Ни к чему так торопиться. Может, нас выманывают.

– И для этого подпалили крышу?

– Мы не видели огня, только дым. – Ион продолжал складывать воедино части головоломки, до того ему хотелось собрать ее досрочно, чтобы не ждать появления новых фрагментов. – Дым может значить что угодно. Скажем, сигнал.

«Птицы» переглянулись с командиром, и тот сказал:

– Продолжай.

– Дым привлек наше внимание, так? И он же может быть сигналом к подкреплению, или стягиванию резервов. После того как мы с вами увидели два грузовика с вооруженными людьми, я всерьез могу предположить многочисленные резервы противника прямо у нас за спиной. И все специалисты получше нас с вами.

– Говори за себя, – бросил Аист почти насмешливо, но все же не удержался и обернулся.

– Тогда у нас нет другого пути, кроме как вернуться в Датаполис, передать Кипарису грузовик и завербовать в свою армию население примерно трети всего Креста в полном составе, – сказал спокойно Кондор. – С последним пунктом предвижу сложности. И с предыдущими тоже. Ион, у нас не было уговора, как поступать при боевом столкновении с неизвестными лицами наверху, однако существуют неписанные правила. Если наткнусся на проблему – изучи и постараися решить ее сам, прежде чем перевесишь ее на чужие плечи.

Ион не нашел, что сказать на это. Командир был прав.

Кондор включил двигатель. Кабина завибрировала. Капли крови начали стекать по стрелочным индикаторам, словно грузовик кровоточил. Иону совсем не к месту стало дурно. Может, мало воздуха? Он запоздало вспомнил про фильтр – точно, кислорода и в самом деле мало.

По крыше что-то застучало – Феникс расположился наверху кабины с СВД. Ион не имел понятия, как сталкер намерен прицельно стрелять в таких условиях. Аист и Воробей примостились по краям кабины на подножках. Учитель полностью перестал их понимать. Неужели они и эту схему отрабатывали? Или у них некоторые вещи получаются сами собой, без лишних приказов?

До «Сто первой» башни оставалась пара сотен метров. Кондор вел грузовик медленно – еще бы, давно не сидел за рулем.

Ион как раз сменил фильтр, чувствуя себя лишним вплоть до подозрений, не доставляя ли он «Птицам» дискомфорт все это время. Сейчас он должен был сделать ход, но неизвестно, какой. Хорошо хоть радио молчало. Или, наоборот, плохо? Должен ли он заговорить с Альбиной самостоятельно? Что он скажет? «Да, это я, Ион. Я тебя не знаю, но мы уже убили вашего водителя и едем на ворованном у вас грузовике, начиненном взрывчаткой. Наши люди целятся в вашу сторону. Короче, стреляйте в нас, мы превосходная мишень».

– Они не будут стрелять, – сказал Кондор, угадав если не мысли Иона, то волнение остальной команды. – Не знаю, зачем им столько взрывчатки, но она им для чего-то нужна.

Сверху по кабине что-то дважды стукнуло. Кондор нажал на тормоз, светя фарами через еще более густившийся туман.

– На выход, – сказал он. – Ворон, останься. И за руль сядь на всякий пожарный.

– Я не слишком помню, как это делается.

– Они этого не знают.

– Принято.

Ворон проворно перелез через Иона, уселся за руль. Кондор вышел наружу с одной стороны, Ион – с другой. Учитель почувствовал себя еще хуже. Если они не были мишенями раньше, то точно стали ими теперь. На миг в нем непонятно откуда проснулось тактическое мышление – что бы он сделал, задумывая операцию, требующую столько людей, транспорта и снаряжения. Уж точно принял бы меры к обороне от возможных гостей. Тем более что неприятель был прекрасно осведомлен о существовании «Птиц» и их занятии.

Пространство перед башней было тщательно вычищено, словно его готовили для подъезда грузовиков. Сейчас перед ним были сложены большие коробки. Возможно, из здания что-то вывозили. Чуть подняв голову, Ион скосил глаза и увидел дым, идущий с крыши. Все же не огонь. Дымовая шашка и, похоже, не одна.

Второй грузовик стоял у входа, поставленный так, чтобы служить ограждением. Даже неискушенному в вопросах ведения боев в городе Иону это показалось бессмысленным. Чтобы так развернуть грузовик, пришлось постараться. К чему ставить мобильные преграды у здания, если можно спокойно укрыться в нем самому?

Как он и предполагал, из башни никто не вышел. Вместо этого из-за грузовика показались несколько человек. Их защитные комбинезоны почти не имели схожих элементов. Это тоже странность: даже если снаряжение разных систем, оно неизбежно приведется к общему внешнему виду, если его обладатели участвовали в одних и тех же операциях. «Птицы» были тому свидетелями. Здесь же Ион наблюдал целый калейдоскоп образов, которые на рынке Датаполиса запросто сошли бы за увеличенные копии детских фигурок – от научных скафандров до практически полуоткрытых курток из жаропрочной ткани.

Был среди них и сбежавший боец, чей напарник открыл огонь первым – последнюю деталь Ион повторял себе раз за разом как главный аргумент в предстоящем разговоре.

Здесь он обнаружил, что ноги сами несут его вперед параллельно с Кондором, словно они вдвоем являлись лидерами отряда. Учитель заставил себя двигаться точно так же, и даже аналогичным образом стал держать автомат.

– Все в порядке, мы вас держим, – послышался голос Феникса. Ион ему лишь позавидовал. Чем он будет их «держать», если из-за грузовика по ним шмальнут из гранатомета? Хотя Кондор же высказывал уверенность, что грузовик им нужен… или то было лишь предположение? Ион усилием воли заставил себя снизить градус, с которым его волнение рвалось наружу.

К ним подошла фигура в плотном комбинезоне – единственном похожим на здравое сочетание защитного и боевого костюмов. Ион больше смотрел на наружные детали оборудования – два магазина от калашникова в нагрудном кармане, нож рукояткой вниз, две световые гранаты. Никакого видимого оружия, тем не менее, не было.

Только когда фигура подошла на пять метров, Ион догадался, что это была женщина.

Он сам удивился, как смог так обмануться, и понял – движения в этом костюме были слишком обезличенные. Зато теперь от незнакомки внезапно пахнуло одиночеством – ее сразу захотелось по-дружески приобнять, утешить, сказать, что все будет хорошо. Ион ощутил в районе желудка щемящий приступ тоски. Могло ли быть, что ему уже приходилось утешать именно эту женщину?

– Привет! – звонко сказала она. – Я Альбина!

– Привет! – поздоровался командир. – Это, как ты поняла, Ион.

Движением руки Альбина убрала с маски некое кустарное подобие поляризатора. Подошла еще ближе, посмотрела Иону в глаза. Учитель был готов поклясться, что она счастлива.

– Здравствуй! – сказала она и рассмеялась.

Боковым зрением Ион увидел, что Кондор чуть повернул к нему голову. От учителя явно ждали объяснений.

– Извини, – сказал он. – Я тебя не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.